

Евгений Трикоз

18+

ПЕ
Л
В
ХА

a true story

#тюрьма_для_зависимых #средневековье
#нарушение_прав_и_свобод_человека

Евгений Трикоз

Ребуха

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Триkoz Е.

Ребуха / Е. Триkoz — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99310-5

Правдивая история прохождения курса реабилитации в одном из центров, специализирующихся на лечении алкогольной и наркотической зависимости. «Ребуха» – это «дом-тюрьма». Человек, который попадает туда, насильно удерживается в доме несколько месяцев или лет. В книге рассказывается о нарушении прав и свобод человека и применении различных методов воздействия на психику, унижающих человеческое достоинство. Страх, паника, боль, растерянность, испуг, ужас, уныние, отчаяние, насилие, беззаконие – всё это «ребуха».

ISBN 978-5-532-99310-5

© Триkoz Е., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава #1. Конец	6
Глава #2. Начало	9
Глава #3. «Золотые дни»	12
Глава #4. Знакомство с системой	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Трикоз

Ребуха

Предисловие

Функционирование большого числа реабилитационных центров в России, специализирующихся на лечении алкогольной, наркотической и игровой зависимости, незаконно и нарушает права и свободы граждан.

Попав в этот «дом», человек становится совершенно бессильным. К реабилитантам применяются различные методы воздействия на психику, унижающие человеческое достоинство. Их лишают медикаментов, нормального питания и сна. Подобными методами невозможно вылечить человека, а нарушить психику и сломать жизнь – легко.

У консультантов, работающих в этих центрах, нет медицинского образования. Ни о лечении заболеваний, ни о психологии они не имеют никакого понятия.

После длительного пребывания в таких учреждениях человек испытывает сильные личностные изменения. Он абсолютно не приспособлен к жизни после реабилитации, теряется в социуме, не может оторваться от центра и клуба анонимных алкоголиков и наркоманов.

Ему сложно вновь выстроить жизнь за пределами здания, в котором он провёл длительное время, находясь в постоянном психологическом напряжении, стрессе и унижении. Человек, который должен получить шанс на спасение от алкогольной или наркотической зависимости, в такого типа реабилитационных центрах только теряет чувство самоуважения, уверенность в себе и надежду на выздоровление.

Глава #1. Конец

Кто-то растолкал меня, лежащего без сознания на снегу.

– Эй! Всё в порядке? Живой?

Я приподнял голову, ещё не осознавая, что происходит. Резко встал и увидел перед собой незнакомого человека. Был жуткий холод. Я чувствовал боль во всём теле. В сознании вспышками проявлялись воспоминания о случившемся.

«Удар в лицо... головокружение... стараюсь изо всех сил удерживать рюкзак, который кто-то вырывает из моих рук... ещё удар...»

Я осмотрелся по сторонам и понял, что рюкзака нет.

– Вызовите, пожалуйста, полицию, – с трудом выговорил я.

– Да, да, сейчас, – сказал парень, повернулся и быстро ушёл.

Простояв несколько минут на месте, оглядываясь по сторонам в поисках рюкзака, я понял, что замерзаю – немели ноги и руки. Я вышел из переулка и зашёл в ближайший магазин. Тело дрожало, было ощущение, будто я весь – один большой синяк. В тот момент это было правдой, как в прямом, так и в переносном смысле.

– Вызовите, пожалуйста, полицию. Меня избили и украли все вещи, – сказал я, с усилием выдавливая из себя слова, и присел на ступеньки у выхода из магазина.

– Пошёл вон отсюда, бомжара! – крикнул мне один из продавцов и направился в мою сторону.

Я с удивлением посмотрел на него, не понимая, почему он так говорит.

– Меня избили только что и обокрали! Я не бомж! Позвоните в полицию, пожалуйста!

– Давай, давай, вали отсюда! Вставай, алкаш!

Он схватил меня за руку и стал приподнимать.

– Что вы делаете? Я говорю правду! Позвоните, пожалуйста, в полицию!

Тут подошёл другой продавец, и вдвоём, взяв под руки, они вытолкали меня за дверь.

Остаться долго на улице было нельзя, поэтому я пошёл к ближайшему дому в надежде попасть в один из подъездов. Посмотрел на руки – они были в крови. Пока искал хоть одну открытую дверь, постепенно восстанавливал в памяти всё произошедшее.

«Я зашёл в магазин, взял бутылку водки и вышел на улицу... Недалеко от магазина стояли какие-то мужики... Я подошёл к ним... Зачем? Меня позвали или что-то сказали? Не помню... Потом удар в нос... Голова закружилась, и я упал... Меня бьют ногами, вытаскивают всё из карманов... Я лежу и чувствую удары в живот и голову... Кто-то кричит мне в ухо: „ПИН-код какой, урод?! ПИН-код какой, мразь? Говори давай! Убьём сейчас!“ Дальше ничего не помню. Значит, меня избили, я потерял сознание, они забрали все вещи... Так, телефона нет... Паспорт? Паспорт во внутреннем кармане. Слава богу! Видимо, я прижал его телом, когда упал».

Какое-то время я ещё бродил по дворам в надежде найти открытую дверь. Постепенно трезвея от холода, я понял, в каком районе нахожусь и что недалеко отсюда – Белорусский вокзал. Решил пойти туда и обратиться в полицию.

У входа в здание вокзала меня сразу остановили сотрудники правоохранительных органов.

– Куда прёшь, алкота? – один из полицейских преградил мне путь перед рамкой.

– Я к вам и шёл.

– Слушай, выведи этого бомжару на улицу, – сказал другой.

– Да я не бомж, меня избили и украли деньги и вещи.

– Кто тебя избил? – усмехнулся первый. – Дружки твои, с которыми ты бухал вместе?

– Нет, я не знаю, кто. Их было несколько человек. Я не бомж, вот паспорт, посмотрите. Я протянул паспорт, полицейский посмотрел на него, на меня и неохотно взял.

– Я помню, что вышел из магазина, зашёл во двор, и меня начали избивать какие-то люди. Забрали деньги, карточки, телефон и рюкзак.

Пролистав и изучив мой паспорт, полицейский спросил:

– А что вы делаете в этом городе, Евгений Сергеевич?

– Я приехал увидеться с дочкой.

Он посмотрел на меня и после небольшой паузы, возвращая мне паспорт, сказал:

– Тогда лучше ей вас не видеть. Заявление будете писать?

– Не знаю...

– Что украли? Денег много было?

– Нет, тысячи две может, не больше. Телефон, ну и вещи в рюкзаке. По-моему, это всё, что со мной было...

– Ну, смотрите, можем пойти в отделение, напишете заявление, потом завтра, а нет, уже в понедельник надо будет приехать и...

– Нет, – прервал я сотрудника полиции, – я не буду писать заявление, тем более меня здесь уже не будет.

– Есть куда поехать? Друзья, родственники, номер телефона помните? Можете позвонить, – он протянул мне мобильник.

Подумав немного, я понял, что ехать мне не к кому, а единственный номер, который я смог вспомнить, был номером моей бывшей жены. Но ехать в таком состоянии к ней и дочери я не хотел.

– А можете в метро попросить, чтобы меня пропустили?

– Да, конечно, – сказал полицейский, и мы направились в сторону станции метро «Белорусская».

Без денег, телефона и вещей я шёл по центру Москвы в грязных джинсах и рванной куртке, с опухшим и избитым лицом, оставляя за собой аромат пшеницы и дрожжей. Я шёл по городу, который приехал «покорять» двадцать один год назад, в котором получил всё, к чему стремился и чего хотел: образование, достойную работу, друзей.

Сколько раз я бывал в этом районе столицы: шёл на работу или возвращался домой, просто гулял, встречался с друзьями, назначал встречи в кафе, которые сейчас окружали меня. В них, как и всегда, сидели люди, счастливые или угрюмые, уставшие или увлечённые, ужинающие или просто пьющие чай и беседующие со своими друзьями.

Всё было, как вчера. Я тоже сидел в одном из таких кафе, обсуждал с друзьями или коллегами насущные проблемы. Улыбался, смеялся, задумывался, грустил, смотрел в окно на проходящих людей. Оплачивал счёт, выходил на улицу и уезжал на такси домой или на работу. А иногда шёл в метро и проходил мимо людей, сидящих у входа в грязной, рваной одежде, плохо пахнущих, с табличками в руках.

Я не раз думал, что же с ними случилось? Ведь когда-то у них была другая жизнь. Они были детьми, учились в школе, работали. У многих, возможно, была семья, есть дети. Почему они выбрали такой образ жизни? Почему перестали бороться и остановились? Что же в их жизни могло произойти, что они сломались, сдались и перестали двигаться вперёд? Ведь у каждого из них могут быть родственники или старые друзья. И, возможно, они смогут им помочь, если те к ним обратятся... Но, видимо, не хотят, стыдятся или боятся. А может у них никого нет, и единственные близкие им люди сейчас сидят рядом с ними.

Как часто в вагоне метро я наблюдал, как пассажиры сторонятся таких людей, лежащих на сиденьях или просто стоящих где-то в конце вагона с котомкой пакетов. Все держались от них в стороне.

Сейчас я был одним из таких людей. Стоял в углу вагона с опущенной вниз головой, плохо пахнувший, грязный, избитый и безнадежно пропащий. Люди смотрели на меня такими же отталкивающими взглядами, как и я когда-то. Пассажиры, которые заходили в вагон на станциях, сторонились меня, брезгливо посматривали и осуждали.

Да, сейчас я был одним из тех людей, кого осуждал сам и кого обходил стороной. И по внешнему виду и по внутреннему состоянию я был с ними на одном и том же уровне – на дне...

Глава #2. Начало

За шесть месяцев до этого.

Казалось бы, «парень, у тебя всё есть»: престижная, достойная, хорошо оплачиваемая, а самое главное, любимая работа; семья – жена и дочь. Общение с друзьями и знакомыми, частые вечеринки, встречи с интересными людьми, путешествия по миру, новые проекты, бесконечные планы на будущее... Но каким бы длинным и прекрасным не был этот список, как только ты добавляешь в него употребление алкоголя, всё вышеперечисленное можно смело перечёркивать.

Со стороны – успешный и счастливый человек, но внутри – безнадежно потерянный, утративший связь с реальным миром и увязший в алкогольной зависимости и собственных психологических проблемах.

Я думал, что с помощью алкоголя справлюсь с теми чертами характера, которые мне мешали, создавали проблемы, избавлюсь от них. На самом деле они усугубились и создали мне ещё больше проблем. Помимо этого, появились новые качества, которые вредили не только мне, но и моей семье, близким, родным, друзьям, коллегам по работе.

Если раньше я был счастливым, общительным, жизнерадостным, весёлым человеком, спокойным, терпеливым, не агрессивным, а моя жизнь была наполнена яркими событиями, различными увлечениями, то с употреблением алкоголя жизнь стала серой, скучной и бессмысленной. Я бросил заниматься спортом, перестал общаться с друзьями, стал злым, грубым и безответственным. Я стал совершенно другим человеком, окружённым, как тогда я думал, врагами и завистниками.

Были периоды, когда я кодировался и не пил какое-то время. Но вскоре это перестало работать. Я употреблял всё больше с каждым днём. После последнего сеанса детокса и кодирования до момента употребления проходило несколько часов. «Кодировка» была лишь предлогом сказать дома, что всё в порядке, проблема решена. Процесс неуправляемости уже был запущен на полную мощность. Какое-то количество дней, может, недель после последнего сеанса детокса я старался терпеть до вечера и не употреблять спиртное. Чтобы как-то держать себя в руках, днём я принимал успокоительное. Но со временем и это перестало помогать. Проснувшись утром, первым делом я не чистил зубы и пил чай, а наливал полстакана водки и выпивал, как жаждущий воды спортсмен после марафона. Руки переставали трястись, появлялось внутреннее спокойствие, жизнь возвращалась ко мне на какое-то время. Но с каждым днём для поддержания более-менее нормального жизненного тонуса требовалась доза больше, а промежутки времени между их принятием становились меньше.

Невозможность бороться, абсолютная беспомощность и неспособность мыслить без употребления спиртного толкали меня всё глубже на дно. Я не знал, что делать, не осознавал, что происходит. Да, где-то в глубине сознания я понимал, что у меня проблема, но до последнего находил оправдания для самого себя.

«Да, я выпиваю, у меня с этим проблема. Но этой проблемой я на какое-то время решаю другие проблемы», – внушал я себе.

«В конце концов, я не валяюсь на улице, где-то под забором, работаю, всё нормально».

«Все пьют, ну я, может, чуть больше, но я же себя контролирую».

«Ладно, с завтрашнего дня буду уменьшать дозу и за месяц брошу».

«Если меня никто не будет трогать, не будет ругаться со мной, не будет стрессов, я и не буду пить. Это из-за вас всё и происходит».

«А как ещё снимать стресс? Все так делают, я – не исключение».

«Даже врачи советуют немного выпивать по вечерам».

«Все творческие люди выпивают, это помогает работе».

«Я же не наркотики употребляю».

«Ну, если бы был безалкогольный напиток, снимающий стресс и напряжение, я бы пил его. Дело не в алкоголе».

«Я же не напиваюсь в слюни, чуть-чуть и всё».

Пожалуй, это те немногие отговорки, которые я сейчас могу вспомнить. Но не сомневайтесь, был большой королевский сундук отрицаний. Если бы пришлось защищать алкоголь в суде, я, как его адвокат, выиграл бы любое дело.

Что я только себе не говорил и как только не оправдывал своё употребление! Каждый день начинался снова с одного и того же, им же и заканчивался – алкоголь, алкоголь, алкоголь.

Проснувшись с утра, первым делом я мысленно выстраивал план на день. Основной ежедневной задачей было приобретение, употребление спиртного и сохранение вида трезвого человека. Способов была масса. Можно было купить пару стограммовых бутылочек или бутылку. Затем перелить содержимое в пластиковую тару и под видом воды носить в рюкзаке. А когда никого рядом нет, употребить и жить дальше. Но жить в таком режиме с каждым новым днём становилось всё сложнее.

Я не знаю, как тогда пришёл к этому решению... Я не помню. Но, благодаря какому-то подсознательному «пинку», я просто встал, вышел из здания, в котором работал, и улетел домой к маме. В тот день я бежал в прямом смысле этого слова. Путь предстоял долгий. И это был только первый шаг – вернуться домой к родным и близким, которым ты не безразличен, и попробовать бороться за свою жизнь.

Начали мы с очередного сеанса детокса, выйдя после которого через пару дней, я пошёл в ближайший магазин и купил спиртное. Эта процедура уже не была «авторитетной» для меня. К тому же мои психологические проблемы не могли решиться только путём применения капельниц. Тогда мне казалось, что уж лучше я буду пить, чем испытывать то, что со мной происходит.

Прошло несколько дней, и я снова уже не мог остановиться.

«Давайте пробовать что-то ещё», – говорил я, продолжая верить в какое-то быстрое «чудесное выздоровление».

Следующим шагом была поездка к целительнице.

В тот день я не пил с утра и верил в чудо. Верил в то, что на этот раз мне действительно помогут. Когда мы подъехали к дому этой целительницы, то увидели большое количество машин. Внутри даже появилось какое-то спокойствие, надежда.

«Если едут люди, значит, работает схема», – думал я.

Часа через два нас пригласили к «спасительнице». Я сел перед ней и рассказал о своей проблеме. Она взяла небольшой лист бумаги и что-то написала на нём. Потом подошла ко мне и начала шептать, массируя пальцами мою голову. Затем достала из-под стола бутылку с водой, поставила её передо мной и сказала:

– Пить в течение двух недель по глотку.

Потом протянула мне тот лист бумаги, взяла за руку и пристально посмотрела в глаза:

– Как пройдёте двухнедельный курс с водой, достаньте этот листок. Ни в коем случае не разворачивайте его! Сожгите, пепел бросьте в стакан с водой и выпейте! Запомнили?

– Да, – ответил я, чуть не срываясь на смех.

– И ни в коем случае не употребляйте алкоголь!

Я смотрел на неё и думал, что даже в таком состоянии, находясь в отчаянии, прекрасно понимаю и вижу, как красиво Вы разводите людей на деньги.

По дороге обратно я попросил остановить машину. Вышел из неё и пошёл в ближайший магазин. Взял пару банок пива и на время «вернулся к жизни». Я стоял на обочине дороги и думал, что выхода нет. Анализировал поездку и новый опыт развода на деньги, в котором только что участвовал. Но чего только не попробуешь, если хочешь, чтобы стало лучше. К

моему удивлению, после посещения этой «целительницы» мне действительно стало лучше. Правда, только спустя час после её «магических нащёптываний» и исключительно благодаря «пенному владыке».

Как-то я проснулся с затянутым на шее ремнём. Как это случилось, я не помню, но это меня совершенно не испугало. Я продолжил пить. Сколько это могло продолжаться, и что могло меня остановить, сейчас я это знаю. Но тогда не мог знать ни я, ни уж тем более мои родные и близкие. Я просто пил, пил и пил...

Глава #3. «Золотые дни»

Когда я очнулся, то не сразу осознал, где нахожусь. Было темно, но достаточно света, чтобы понять – я не дома. Комната была большой, кровати стояли плотно друг к другу. Люди, лежащие на них, явно спали. Кто эти люди и что тут делаю, я не знал. Я попытался вспомнить вчерашний день, что я делал и где был. Единственное, что более-менее ясно всплывало в моём сознании – я дома лежу на кровати и смотрю футбол. Транслировали чемпионат мира по футболу, и наша сборная играла с Саудовской Аравией...

Меня всего трясло и сильно хотелось пить. Я встал и решил выйти из комнаты в поисках воды.

– Ты чё соскочил? Ложись! – кто-то обратился ко мне шёпотом.

Я повернулся и увидел парня, высунувшегося из-под одеяла и смотрящего на меня. Я его не знал.

– А где я?

– Слышь, ложись давай! Не надо никуда идти! – парень стал говорить чуть громче и более убедительным тоном.

– А ты кто?

– Братан, ложись спать, завтра всё узнаешь. Не надо никуда идти!

Я посмотрел на него и, ничего не сказав, повернулся в сторону двери.

– Короче, я тебя предупредил! – сказал он мне вслед и лёг.

Я вышел из комнаты и пошёл по коридору. Он был длинным, метров пятнадцать, может, двадцать. Я проходил мимо комнат, двери которых были открыты. В каждой комнате стояли по шесть-семь кроватей, на которых спали люди. Никакого кулера, кухни или туалета я не нашёл. В конце коридора была лестница, которая вела вниз. Я спустился по ней и попал в просторную комнату с большим количеством стульев и двумя раскладушками посередине. На них тоже кто-то спал. Я прошёл чуть дальше и увидел кухню. Вошёл, взял стакан и начал набирать воду из-под крана.

– Ты что там делаешь? – услышал я голос из темноты, обернулся и увидел стоящего рядом с собой двухметрового человека.

– Я пить хочу, – ответил я, глядя на него и задаваясь снова вопросами, где я и кто это.

– У тебя там стоит вода на тумбочке, иди ложись!

Я вышел из кухни. Прошёл в сторону лестницы пару шагов, повернулся и спросил:

– А где я? Что я тут делаю?

Включился свет в комнате. Помимо стульев и двух раскладушек в ней был небольшой искусственный камин, на котором стоял старый музыкальный центр. На одной из раскладушек лежал человек не меньшего роста, чем тот, которого я встретил в кухне и который сейчас дышал мне в макушку.

– Иди ложись!

– А вы кто?

– Завтра познакомимся, пошли спать, – незнакомец встал с раскладушки и подошёл ко мне. – Пошли!

Меня отвели обратно в комнату. Я лёг на кровать, а когда они вышли, стал смотреть по сторонам в поисках своего телефона. Открыл тумбочку, стоящую рядом, но там ничего не было. Снова попытался вспомнить, что же вчера было и как я здесь оказался... Но в сознании крутилась только одна картина – я на кровати у себя дома, смотрю футбол, а наша сборная играет с Саудовской Аравией. Как я ни старался вспомнить что-то ещё, ничего не получалось.

И ответов на вопросы, кто были эти люди и что я тут делаю, у меня не было. Поразмышляв недолгое время, я согласился с тем, что я в больнице.

«Может, мне стало плохо, и меня привезли сюда, чтобы привести в чувство или прокапать? Возможно, это какой-то специальный корпус для перебравших с алкоголем. А телефон, скорее всего, остался дома... Скорее всего, так...» – с такими мыслями я и уснул.

Утром меня разбудил очень громкий, грубый голос.

– Женя, подъём! Давай вставай, заправляй постель, умывайся и спускайся вниз.

Это был один из тех двоих громил, которых я встретил ночью на кухне.

– Ага, сейчас, – проямлил я и сел на кровати.

«Что-то не совсем это место похоже на больницу, а этот громила – на санитаря», – мелькнуло в сознании.

Я осмотрелся, в комнате никого не было. Все постели были заправлены, как будто в них никто и не спал. Со стороны выглядело всё идеально. Рядом с несколькими кроватями стояли тумбочки. В углу комнаты – небольшой шкаф. На окнах не было штор, но были решётки. Первое, что пришло на ум: напоминает какой-то лагерь.

Раньше ничего ни о каких реабилитационных центрах я не знал, поэтому сложно было понять, где я и что меня ждёт.

Оглядевшись ещё раз по сторонам, я увидел свой рюкзак.

«Так, ладно, надо позвонить домой».

Я открыл рюкзак и стал искать телефон, но его не было. Всё, что было в рюкзаке, предназначалось скорее для пребывания в стационаре больницы, чем для отдыха в лагере: спортивные штаны, носки, трусы, футболки, зубная щётка, паста, полотенце и тапки.

Я взял зубную пасту с щёткой и вышел из комнаты. В конце коридора стояла большая очередь из незнакомых мне людей. Там были и парни, и девушки. Кто-то мельком взглянул на меня, кто-то продолжал пристально смотреть, а были и такие, кто даже и не обратил на меня никакого внимания.

– Доброе утро! – сказал парень, который ночью пытался меня остановить, и протянул руку: – Дима!

– Женя, – я протянул руку в ответ. – Это все в туалет?

– Ага!

– А что это за больница?

Дима посмотрел на меня и улыбнулся.

– Это реабилитационный центр. Ты не знаешь, куда ехал?

– Нет. Я вообще не помню ничего.

– Как разговаривал с нами, когда мы вели тебя до кровати, тоже не помнишь?

– Нет.

– Как бутылку просил вернуть? – продолжал говорить и улыбаться Дима.

– Я помню только, что дома смотрел футбол, где наша сборная с Саудовской Аравией играла, и потом уже как ночью проснулся здесь и пошёл за водой.

– С Саудовской Аравией?! Серьёзно?! Это же неделю назад было!

– Как неделю назад?

– Может, и больше даже. Нормально ты так, видимо, забухал.

«Неделю назад? Не может такого быть...»

Я моментально вспотел, руки задрожали ещё сильнее, было ужасно плохо и жутко страшно. Что я делал последнюю неделю, я не помнил. Никаких воспоминаний в моей голове, кроме футбольного матча, не было.

– А кто-нибудь может дать телефон, чтобы позвонить? – обратился я к ребятам.

– Тут ни у кого нет телефонов, их забирают.

– А как позвонить можно?

– Никак. Через две-три недели, если будешь хорошо себя вести, дадут позвонить. Точнее, тебе позвонят.

– Две недели? Я не собираюсь находиться здесь две недели!

– Ну, выйти отсюда ты тоже не сможешь. Теперь на полгода, как минимум, это твой дом.

«Полгода?! Что за бред? Куда меня привезли и почему я ничего не помню?» – мыслей в голове было так много, что я не мог сконцентрироваться ни на чём и уж тем более принять всерьёз всю информацию, которую до меня пытаются донести.

– Ну, может, больше, – подхватил диалог кто-то из очереди. – Всё будет зависеть от того, как быстро ты будешь выздоравливать по версии консультантов и психологов.

– Мне на работу надо, я не могу здесь находиться...

– Нет у тебя больше никакой работы, – это был голос уже знакомого мне здоровяка.

Звали его Юра. Выглядел он лет на десять старше меня, но, как оказалось позже, был на три года младше. Ростом он был метра два, лицо напоминало физиономию любого актёра, игравшего роль отмороженного бандита в криминальных фильмах про мафию. Большую часть своей жизни Юра сидел на наркотиках. В этом центре прошёл реабилитацию и остался, чтобы «помогать» другим наркоманам и алкоголикам справиться с их проблемой. Был одним из самых жёстких консультантов.

– Не слишком много разговоров? Или мне кажется? Быстро умываемся и вниз, – он смотрел на меня взглядом человека, который вот-вот применит хук справа и побежит обнимать своего тренера.

Все замолчали и продолжили стоять в очереди, опустив головы.

– Это кто? – спросил я Диму, когда громила спустился вниз.

– Консультант Юра. «Выздоровливающий» наркоман, уже два года в завязке.

«Полгода, выздоравливающий наркоман, отсутствие телефона, решётки на окнах...

Что происходит? Нет, я здесь оставаться не собираюсь!»

Я вернулся в комнату, взял рюкзак и в тапках спустился вниз в надежде, что моя обувь находится где-то у выхода. Посмотрел по сторонам в прихожей, не увидел среди обуви своей и попробовал открыть дверь.

– Ты куда собрался? – Юра подскочил со стула и направился ко мне.

– Я не знаю, кто вы и как я тут очутился, но я не собираюсь здесь находиться. Откройте дверь.

– Послушай теперь меня внимательно! Ты отсюда не выйдешь! Если не хочешь проблем, – а эти слова из уст Юры звучали очень убедительно, – иди садись на стул и слушай, что тебе будут говорить.

В ситуации с закрытой дверью и решётками на окнах шансов на успешный побег у меня не было. Я поставил рюкзак и зашёл в большую комнату, в которой уже сидели люди и что-то писали в тетрадах.

«Ладно, – подумал я, – надо успокоиться, понять, что происходит, и потом уже решить, что делать дальше».

Сосредоточиться было очень трудно. Меня всего трясло и от похмелья, и от страха. Я смотрел на людей, которые сидели рядом и молча без остановки что-то писали в тетрадах. Практически никто не поднимал голову, а если и делал это, то отрешённо глядя куда-то в сторону. Все они внешне не были похожи на наркоманов и алкоголиков, тех, кого можно увидеть в популярных роликах в интернете. Они не выглядели усохшими, беззубыми и невменяемыми.

Я пересел поближе к Диме и спросил:

– А кто здесь главный?

– Марина, но её сейчас нет. И разговор с ней ничего не изменит. Тебя отсюда не выпустят.

– Ты прикалываешься? Они не имеют права меня здесь удерживать.

– Слушай, они заключили договор с твоими родными и получили от них деньги. Поэтому ты будешь здесь до тех пор, пока за тебя будут платить.

Я с трудом мог понять, о чём говорит Дима, а уж тем более осознать всё происходящее со мной.

«Неужели родные заплатили деньги, чтобы меня закрыли в каком-то доме и насильно удерживали? Как такое вообще может быть? Нет, что-то тут не так».

– А когда здесь будет Марина?

– Она обычно часам к двенадцати приезжает.

«К двенадцати, сейчас только 8:30... Ладно, как приедет Марина, поговорю с ней. Скажу, что мне нужно завтра на работу, иначе меня уволят. А я не могу потерять работу, у меня семья, дочь, мне нужно их кормить».

Я старался немного успокоиться, но у меня ничего не получалось. Всё напоминало сюжет фильма ужасов, в котором тебя похищают, заставляют что-то делать, а ты пытаешься сбежать. Только это был не фильм... Самое страшное, что я не знал, кто эти люди, чего от них можно ожидать и на что они способны.

– А она нормальная, адекватная? – продолжал я интересоваться у Димы.

В тот момент он был единственным человеком, который вызывал у меня доверие.

– Слушай, она тебя никуда отсюда не выпустит. Это бесполезно. Просто прими это и выполняй то, что тебе будут говорить.

Я смотрел на Диму, внимательно слушал его, но ничего не понимал.

– Тем более, что у тебя сейчас будут три «золотых дня», от тебя ничего не станут требовать. Просто ходи, наблюдай и задавай вопросы, если что-то будет непонятно. Дальше будет сложнее.

– Три золотых дня?

– Ну да, это дни, когда ты можешь спать или просто лежать, когда хочешь. Ходить курить в любое время и не выполнять задания.

– Это какой-то бред! Это всё незаконно! Меня не имеют права удерживать против моей воли!

Дима улыбнулся.

– Ну да, но ты отсюда не выйдешь. Пока будут платить за тебя – будешь здесь. А платить будут, поверь мне. В любом случае, этот месяц ты проведёшь тут. В этом я уверен на сто процентов!

Я вернулся в комнату, лёг на кровать и стал думать, что сказать Марине, чтобы меня отсюда выпустили. Но что бы я не придумывал, беспокойство и страх внутри только усиливались.

Я встал и подошёл к окну. Дом, в котором мы находились, был двухэтажным, кирпичным, с небольшим садом, неработающим фонтаном и беседкой. За двухметровым забором виднелись другие дома. Видимо, это была какая-то деревня или дачный участок, но точно не город. Мимо проезжали машины, ходили люди, что уже было неплохо с точки зрения безопасности. В принципе, меня могли услышать и увидеть, если бы вдруг я начал кричать и размахивать руками.

«А если люди, которые живут рядом, знают, что здесь происходит? Почему тут все такие спокойные? Почему только я задаюсь вопросами, а они никак не реагируют?» – вопросы продолжали накапливаться в моей голове.

Часов в двенадцать, как и говорил Дима, приехала Марина. Я спустился снова вниз и зашёл к ней в кабинет.

За столом сидела женщина лет сорока. Пышная причёска, хороший макияж, полноватая, но в обтягивающем платье, чтобы можно было подчеркнуть грудь размера XXXL. Эдакая бизнес-леди провинциального масштаба. Хозяйка положения, женщина, которая добилась всего

сама, и неважно, какими способами. «Мамочка» района, владелица иномарки уровня «Пежо», любящая свою работу за хороший доход и мнимое чувство гордости за «нужное» и «важное» дело, которому она себя посвятила.

– Здравствуйте. Это вы Марина?

– Да, Женя, привет. Как ты себя чувствуешь?

«Какой заботливый тон. И вы меня уже знаете?»

– Не очень хорошо. Я бы хотел, чтобы меня выпустили отсюда.

– Присядь, давай поговорим.

Она сказала это настолько спокойным голосом, как будто ангел спустился с небес и произнёс: «Всё будет хорошо! Доверься мне».

– Ты здесь побудешь какое-то время, поработаешь со специалистами, пообщаешься с психологами, восстановишь своё здоровье.

– Я понимаю, что у меня есть проблема, но вы не имеете права меня здесь удерживать. Я сам буду решать, как и что мне делать.

– Смотри... Мы с твоими родными всё согласовали, они хотят тебе помочь. Все хотят, чтобы ты выздоровел, ведь ты и сам этого хочешь.

– Да, но не таким способом. Я не хочу находиться среди незнакомых мне людей, в непонятном месте, из которого меня не выпускают. И мне послезавтра нужно быть на работе в Москве. Если я не прилечу, меня уволят.

– Женя, нет у тебя никакой работы... Тебя уволили ещё месяц назад, твоя мама нам всё рассказала. Последние дни ты просто пил без остановки, и им пришлось обратиться за помощью.

– Дайте мне тогда телефон, я поговорю с мамой, и мы всё решим!

– Нет, телефон тебе никто не даст. У нас договорённость с твоими родными. По правилам дома, первый звонок только через две недели.

– Я не хочу здесь быть, это моё право, – я начал срываться, повышая голос.

– Не надо только кричать! Прими это как данность. Тебе хотят помочь, только и всего.

– Не надо мне помогать, я вас об этом не просил. Я не собираюсь здесь оставаться!

– У тебя нет выбора, никто тебя отсюда не выпустит. Побудешь какое-то время, подлечишься, мы тебе поможем, – это уже был голос Юры. – Всё, давай вставай, пошли вниз!

Он взял меня за руку и вывел из кабинета.

– Пойдём, сейчас будем принимать тебя в семью.

– Не надо никуда меня принимать! – я вырвался и пошёл в комнату.

– Ты можешь что угодно говорить и делать. Но запомни, чем дольше ты будешь сопротивляться, тем дольше ты здесь пробудешь!

Я вернулся в комнату и лёг на кровать.

«Твою мать! Что здесь происходит? Почему меня сюда отправили? Это тюрьма какая-то, а не место для лечения! Кто они такие?»

Я чувствовал страх, ненависть, злобу. Мне хотелось просто разбежаться и выпрыгнуть из окна. Но я не мог этого сделать. Невозможно было принять то, что я здесь буду находиться неизвестно сколько времени и непонятно с какими людьми.

Не знаю, как долго я тогда пролежал в размышлениях, моим желанием было только одно – убраться отсюда как можно скорее. Физическое и психологическое состояние было ужасным.

«Выпрыгнуть из окна невозможно. Дверь закрыта. Позвонить нельзя. Начать кричать? А если они что-то сделают потом со мной?»

Позже в комнату вошёл ещё один незнакомый человек. По крайней мере, я его в тот день не видел.

– Привет, Женя! Я Олег. Давай поговорим с тобой.

Олег был одним из консультантов этого центра, в прошлом тоже употреблявший наркотики. При этом внешне он не походил на наркомана с восьмилетним стажем. Последние шесть лет своей жизни он не употреблял. Олег начал работать в этом центре за пару недель до моего появления и параллельно учился в институте на психолога.

Когда я его увидел и услышал впервые, сложилось впечатление, что это «добрый» консультант, в отличие от «злого» Юры.

– О чём поговорим? О том, что меня незаконно здесь удерживают?

– Послушай, тебе надо просто сейчас успокоиться и дать себе пару дней. Постарайся не думать о том, что тебе надо выйти. Попробуй пообщаться с ребятами, понаблюдай, что здесь происходит, а потом мы с тобой поговорим.

– Я не знаю, о чём я должен с вами говорить, но знаю, что здесь совершается преступление! Вы нарушаете права и свободы человека!

– Ты понимаешь, почему ты здесь?

– Нет, не понимаю.

– Ты – алкоголик. Ты это знаешь?

– Я знаю, что у меня проблемы с алкоголем, но не настолько, чтобы находиться здесь, к тому же не по своей воле.

– Ты сейчас находишься в отрицании. Это нормально, но это пройдёт. Тебе нужно просто довериться людям и делать то, о чём тебя просят. Всё будет хорошо... – Олег не успел что-то договорить, появился Юра.

– Слышь, борец за права и свободы, – с усмешкой сказал он, – пойдём, тебя уже все ждут.

– Кто меня ждёт?

– Сейчас всё узнаешь! Идём!

Мы спустились на первый этаж в большую комнату, носившую название «групповая». По её периметру стояли стулья, на которых уже сидели около двадцати человек. Кто-то смотрел на меня, кто-то что-то писал, но все молчали. Юра поставил стул в центре комнаты напротив ребят и велел мне садиться.

– Сегодня мы принимаем в семью Женю. Давайте знакомиться.

«Семья» – это все алкоголики и наркоманы, которые находятся в центре на реабилитации. Каждый реабилитант рассказывает о себе, сколько лет, как долго в употреблении, как сюда попал и сколько чистого времени в копилке на сегодняшний день.

– Привет, Женя. Меня зовут Дима, и я наркоман. Мне двадцать семь лет, в употреблении двенадцать лет, здесь я уже третий месяц – семьдесят три дня «чистоты». Если нужна будет помощь, обращайся, помогу, чем смогу. Это мой третий реабилитационный центр.

– Привет, Женя! Меня зовут Лена, и я наркоманка. Мне тридцать лет. В употреблении была восемь лет. Здесь я уже пять месяцев. У меня есть сын. В центр я приехала по собственному желанию. Будут какие-то вопросы, задавай.

«Пять месяцев... О чём вы говорите, ребята? Я не собираюсь здесь находиться и дня. Да, у меня есть проблемы, но не такие. Я не наркоман! Что я делаю здесь со всеми этими людьми? Двадцать семь лет и двенадцать из них наркомании? С пятнадцати лет? Третий реабилитационный центр? Да, я вытывал много в последнее время, но я работал, и всё было нормально. Нет, мне здесь точно не место».

Чем дольше я их слушал, тем яснее у меня складывалось впечатление, что я попал в какую-то секту. Передо мной сидели не люди, а зомби, многие из которых, как мне тогда показалось, смирились со всем, что здесь происходит, и приняли правила игры.

– Привет, Женя. Меня зовут Витя, и я алкоголик и наркоман. Мне сорок два года, употреблял с двадцати лет. Уже десятый месяц в центре, несу функцию «НСО». Если возникнут какие-то трудности, обращайся, всё решим.

Так со мной познакомились все двадцать человек. В итоге знакомства оказалось, что в центре на тот момент находились семнадцать наркоманов и трое алкоголиков вместе со мной.

Последним из присутствующих в групповой должен был говорить я.

– Привет, ребята! Мне, конечно, приятно с вами познакомиться, но я здесь не по своему желанию. Если у меня и есть какие-то проблемы с алкоголем, то уж точно я не собираюсь решать их в заключении и принудительными способами.

Все сидели молча, кто-то, может, и смотрел на меня, но большинству было всё равно, что я говорил.

После этой душеспитательной «церемонии принятия в семью» мне рассказали о трех «золотых днях» и сказали, что я могу обращаться к любому из членов семьи, если возникнут какие-то вопросы.

Но «золотые дни» оказались с подвохом. Да и в принципе ничего «золотого» в нахождении здесь и быть не могло. Я не мог самостоятельно передвигаться по дому. Да, у меня была возможность пойти в комнату, когда захочу, или покурить, когда мне вздумается, но только под присмотром кого-то из реабилитантов. Если я уходил, никому ничего не сказав, за мной сразу же кто-то бежал и не отходил ни на метр.

Я попросил сигареты, которые были изъяты в момент моего прибытия в центр, и пошёл на перекур вместе с остальными ребятами.

В курилке собрались все двадцать человек. В небольшой комнатке площадью около 10 м² было несколько полок, на которых лежали только пачки с сигаретами. Посередине комнаты на полу стояла пепельница. Прикуривал сигареты только один человек, у которого была зажигалка. Это был Витя. Я очень быстро выкурил сигарету и попросил прикурить ещё одну.

– Мы по одной только курим, – сказал кто-то из ребят.

– У него же сейчас «золотые дни», ему можно, – ответил Витя и достал зажигалку.

«По одной только курим... Вы серьёзно?».

– А если все ещё курят, я что, не могу быстро выкурить вторую сигарету? – спросил я у Вити.

– Нет.

– А что будет?

– Последствия будут. Кто-нибудь напишет о тебе на «доску негатива», и консультанты накажут.

«Что за бред вы несёте?! Где я нахожусь?! Какая доска негатива?! Какие последствия?»

– Накажут?! За что? За выкуренную сигарету?

– Ну да, есть определённые правила в доме. Сейчас поднимемся, я тебе покажу, где прочитать. Но там не всё написано, поэтому уже по ходу дела будем тебя знакомить, подсказывать, говорить, что и как.

– А что за доска?

– «Доска позитива и негатива». В течение дня каждый должен написать по два «негатива» и два «позитива» на кого-то из членов семьи. Ну, типа, если я сейчас закурю вторую сигарету, кто-то поднимется наверх и напишет на доске моё имя и то, в отношении чего я своевольничал. И мне за это дадут пятьдесят «своеволий».

– А зачем кому-то на кого-то писать?

– Такие правила. Если ничего за день не напишешь или напишешь только один «негатив» или один «позитив», то будет наказание. Так что выбора нет. Каждый в течение дня следит за каждым, чтобы что-нибудь на него написать.

– Это же чушня какая-та!

– Ну вот, за это слово ты уже попадаешь на доску. Материться, говорить на сленге тут запрещено. Но так как у тебя три «золотых дня», на тебя пока никто ничего писать не будет. И ты можешь выкурить сейчас хоть всю пачку.

– А что за наказания?

– Ну, в основном, это писанина. Например, за мат дают тридцать «своеволий».

– Что это?

– «Своеволие» – это текст, который надо написать столько раз, сколько тебе скажут консультанты. На доске он есть, сейчас прочитаешь.

Текст был примерно такой:

«Своеволие – это сопротивление или презрение любых идей, не соответствующих собственным».

В случае проявления своевольных поступков могли назначить от тридцати до пятисот «своеволий».

В случае проявления «безответственности» приходилось писать другой текст:

«Безответственность – это отрицательное духовно-нравственное качество личности, выражающееся в нежелании или неспособности человека нести ответственность за свои слова, поступки и деятельность в целом».

Список того, что делать нельзя и за что могут наказать, был немаленький. Пожалуй, он был бесконечным, и получить наказание можно было за что угодно. Даже если бы человек умер, ему бы назначали несколько сотен «своеволий».

А при жизни в реабилитационном центре можно было получить «последствия» за следующие действия:

- не выключил свет в туалете;
- говорил матом;
- говорил на сленге;
- не участвовал в лекции или тренинге;
- встал без разрешения;
- вышел из «групповой» без разрешения;
- заговорил с человеком, с которым тебе запретили разговаривать;
- агрессивно разговаривал;
- опоздал хоть на секунду на любое из мероприятий;
- начал говорить без разрешения;
- не представился перед тем, как начал говорить;
- не исполнил до конца все обязанности по возложенной функции;
- кому-то помог без его просьбы;
- слишком ответственно выполнял свою функцию;
- сидел без носков в «групповой»;
- произнёс вслух название вещества.

В правилах дома было написано следующее:

ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

1. *Употреблять поверхностно-активные вещества (ПАВ).*
2. *Вступать в сексуальные и романтические отношения.*
3. *Проявлять любые виды агрессии, которые могут нанести физический или моральный ущерб.*
4. *Наносить материальный ущерб имуществу реабилитационного центра.*
5. *Говорить об употреблении ПАВ.*
6. *Хранить продукты питания.*
7. *Заходить на кухню без разрешения ШК.*
8. *Нарушать режим ночной тишины в доме.*
9. *Куриль в помещении.*
10. *Брать чужие вещи без спроса.*
11. *Не соблюдать субординацию с персоналом.*

12. Выразаться нецензурными словами.

Да, с одной стороны, это были логичные правила для такого учреждения. Но я продолжал считать, что всё происходящее здесь выглядит очень странным, пугающим и не имеет ничего общего с лечением.

Удерживать человека – это незаконно. Лишать его свободы без права на это – преступление. Я это понимал, но не мог ничего изменить. Я не знал, на что способны эти люди. Мне было очень, очень страшно.

«Писать „негатив“ на людей, с которыми ты вместе находишься, общаешься, „выздоровливаешь“, это полный бред. Что мне хотят вложить в сознание? Стукачество, злобу, ненависть, неприязнь, раздражение? Реабилитационный центр? Да мне уже нужна реабилитация после всего лишь одного дня пребывания в этом месте! Это никакой не реабилитационный центр. Это обычный дом с решётками, в котором алкоголики и наркоманы пытаются лечить алкоголиков и наркоманов...»

Именно с таких мыслей началось моё «лечение» от алкогольной зависимости в этом «дворце спасения», собравшем под своими «знамёнами» зависимых от алкоголя и наркотиков со всех уголков России.

Глава #4. Знакомство с системой

Впереди ещё оставались два «золотых дня», хотя чего-то ценного и блестящего я в них не наблюдал.

В эти дни я пытался поговорить и с другими консультантами, пришедшими на смену, и с психологами, и с Мариной. Но никто не хотел и не собирался меня слушать. Я бродил по дому, лежал на кровати, ходил курить каждые полчаса и испытывал жуткое напряжение и страх. На улицу выйти было нельзя, с утра и до вечера все находились в доме, периодически выглядывая через решётки в окна.

К вечеру второго дня, устав лежать на кровати и находиться под пристальным присмотром кого-то из «выздоровливающих», я решил спуститься и посмотреть на одно из мероприятий. Оно проходило вечером и носило название «Итоги дня». Перед его началом все сдавали «Дневник чувств» «президенту». Реабилитанты должны были отслеживать свои эмоции в течение дня и записывать в дневник чувства и мысли, которые у них вызывало то или иное событие. Всего таких записей «АЧ» (анализ чувств) к десяти вечера должно было быть двадцать пять. «Президент» проверял тетради на их наличие и ставил свою подпись. Когда приходили консультанты, он докладывал о результатах проверки и озвучивал имена тех, кто не выполнил задание. Далее на выбор «консулов» (консультантов) назывались имена четырёх-пяти владельцев дневников и номера «АЧ», которые они должны были озвучить.

Ребята зачитывали свои записи в тетрадях, но их постоянно прерывали и говорили, что нужно переписать или написать на следующий день ещё больше «АЧ», не двадцать пять, а тридцать или сорок. Я ничего не понимал, сознание было затуманенным, и всё происходящее походило на какую-то бессмысленную игру. Потом реабилитанты по очереди вставали, называли свою функцию и докладывали о её исполнении и трудностях, с которыми они столкнулись в процессе её выполнения. Высказывали свои пожелания остальным реабилитантам.

Функции в центре были у всех.

Досковед – следил за информацией на доске с «негативом» и «позитивом». Внести какие-то изменения мог только он и под присмотром «президента». На «Итогах дня» он выходил к доске и зачитывал в основном «негативы», которые потом обсуждались с нарушителем, тем, кто его сдал, и консультантом. По итогам обсуждений «обвиняемому» выносился «приговор». Также досковед должен был подсчитать количество негативной и позитивной информации, поданной на каждого из реабилитантов за день. Результаты подсчётов и имена лидеров «негатива» и «позитива» указывались на специальном бланке, который досковед сдавал консультантам перед началом мероприятия. К тому же он проверял каждого на выполнение обязательного «норматива»: два «негатива» и два «позитива».

Чистюля – занимался стиркой личных вещей и постельного белья. В его обязанности также входили сушка и глажка (по желанию). Чистюля был обязан оповещать о времени сдачи вещей в стирку. Чистые и сухие вещи можно было забрать только с его разрешения. Кроме того, чистюля отвечал за проверку чистоты рук и следил за длинами ногтей реабилитантов. «Владелец» неопрятных рук получал «последствия».

Худрук – его задачей была организация культурно-массовых мероприятий. Практически все, кого наделяли этой функцией, игнорировали её. Никто ничего не хотел делать и проводить.

До моего появления функция находилась в замороженном состоянии. И именно эта функция стала моей первой в реабилитации.

Пепел – следил за пепельницей в курилке. После перекура он должен был проконтролировать, что все окурки потушены. Когда пепельница была заполнена, должен был её очистить. Курили много и постоянно, поэтому загрузка была ежедневной.

Хозяин дома – распределял реабилитантов по участкам в доме во время проведения генеральной уборки. Он следил за вёдрами, тряпками и расходом моющих средств. Проверять качество уборки самостоятельно, и только после этого дом на чистоту проверяли консультанты.

НСО (или «нос») – начальник службы охраны. При каждом звонке в дверь должен был, во-первых, не пропустить этот звонок, а во-вторых, стоять у входа и проверять глаза пришедших на смену консультантов, психологов и всех остальных посетителей, кто по каким-либо причинам приходил в центр. Перед курением он собирал всех у входа в курилку, пересчитывал, и только потом можно было зайти и курить. Зажигалка была только у него. Успел кто-то докурить или нет, он давал команду «выходим», и все поднимались обратно наверх.

Ди-джей – включал музыкальный центр, когда получал «добро» от консультантов. Только он мог регулировать громкость и выбирать радиоволну. Пульт от центра держал в руках только он. Передать его другому по какой-либо причине мог только с разрешения «президента» или консультанта.

Часовой – единственный человек, у которого были часы. Он отвечал за подъём и каждое событие в ежедневном расписании. За пять минут до начала любого мероприятия и его окончания он громко оповещал об этом. Если забывал, ему грозили «последствия».

ШРР (шеф ремонтных работ) – менял лампочки или чинил что-то несущественное. Пожалуй, самая простая и невостребованная функция. Порой наделённый этой функцией человек ничего не делал, так как не требовалось.

Президент – самая привилегированная функция. Стать президентом мог только тот, кто прошёл практически через все функции. Он мог свободно перемещаться по дому и устанавливать «последствия» остальным. Проверять «дневники чувств», следил за выполнением реабилитантами «последствий», находился в постоянном сотрудничестве с консультантами.

ШК (шеф кухни) – отвечал за приготовление еды, наличие и использование продуктов. Также следил за чистотой на кухне, количеством посуды, столовых приборов и другой кухонной утвари.

Ложки выдавали перед приёмом пищи, а после каждого приёма их сразу мыли и сдавали обратно. За потерю ложки можно было получить пятьсот «безответственностей».

ППХ (помощник по хозяйству) – помогал ШК накрывать на стол, раскладывать еду и мыть посуду.

После выступления обладателей «престижных» функций к доске подошёл досковед и начал зачитывать блок с «негативом».

– Саша, Артур – безответственность, – произнёс он, и со стульев встали два человека. Один из них сказал другому о том, что тот не выключил свет в туалете и попросил быть более внимательным. Другой молча выслушал, кивнул головой, и они оба сели обратно на свои места. Консультанты дали «последствия» провинившемуся, а досковед продолжил читать.

– Аня, Максим – своеволие.

Аня встала со стула и рассказала всем о том, как Максим, не спросив разрешения у диджея, взял пульт и переключил на другую радиостанцию. Максим получил за это двадцать «своеволий» и озлобленный на Аню сел обратно на стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.